

«ЛЮТЫЙ ЗВЕРЬ» НА РУСИ И В СКАНДИНАВИИ

«Тура мя 2 метала на розѣх и с конемъ, олень мя одинъ боль, а 2 лоси одинъ ногами топталъ, другыи рогома боль, вепрь ми на бедрѣ мечь оттялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютыи звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедра, и конь со мною поверже. И Богъ неврежена мя съблюде» [Лавр. С. 251].

Как уже утверждалось исследователями, встречающееся у Владимира Мономаха в приведенном фрагменте выражение «лютый зверь» являет собой некоторое лексико-семантическое единство, т.е. смысл его не сводится к сумме значений компонентов. Чтобы понять, почему при описании охоты в «Поучении» Мономах употребил именно это выражение, необходимо, с одной стороны, определить его риторическую функцию в данном тексте и, с другой стороны, выявить лингвокультурные параллели, не имеющие, на первый взгляд, прямого отношения к сочинению Владимира Мономаха, но позволяющие проследить, как аналогичная или, во всяком случае, очень близкая формула функционирует в другой литературной традиции.

В скандинавских текстах XII – XIII вв. встречается устойчивое выражение *óarga (úarga) dýr*, буквально означающее ‘нетрусливый, неробкий, бесстрашный, свирепый зверь’. Существенно сразу же подчеркнуть, что это выражение обладает всеми признаками лексикализованного словосочетания. Прилагательное *óargr/úargr* употребляется регулярно только со словом ‘зверь’ (*dýr*), может фигурировать в качестве прозвища при имени человека и не обладает способностью свободно сочетаться с какими-либо другим словами. Безусловная устойчивость, связанность словосочетания *óarga dýr* в древненорвежском и древнеисландском существенна для нас при типологическом сопоставлении с древнерусским «лютым зверем», так как лингвистический статус выражения «лютый зверь» не вполне прозрачен: в частности, спор между исследователями идет о том, является ли оно свободным или связанным.

В переводных текстах и текстах, возникших под влиянием континентальной литературной или энциклопедической традиции, *óarga dýr* часто обозначает льва, но может применяться и к другому крупному, экзотическому для скандинавов хищнику. Так, в древнеисландских рассказах Самсон своими руками убивает «неробкого зверя» и челюстью осла избивает тысячу противников, а пророка Даниила сажают в ров с неробкими зверями ([АН. Т. I. С. 50]; ср. Судей 14, 5–6; 16, 15–17; [Ver. С. 39; АН. Т. I. С. 52; Hom. С. 63]; ср. Даниил 6, 6–7, 16–24). Аналогичный вывод может быть сделан и

относительно значения древнерусского «лютый зверь» в переводных текстах и текстах, возникших под непосредственным влиянием инокультурных образцов.

Существенно при этом, что как в древнерусских, так и древнескандинавских текстах были свои терминологические обозначения льва («львь» и, соответственно, leó[n]). И там, и здесь лев был, скорее, «литературным персонажем», нежели повседневным объектом охоты. Можно сказать, что оба выражения – «лютый зверь» и *þarga dýr* – отмечают некоторое абсолютное воплощение хищности и свирепости. Показательно в этом отношении, что *þarga dýr* особенно часто встречается в качестве элемента сравнения, причем сравнения эти вполне однотипны, хотя и фигурируют в достаточно несхожих между собой сагах. Так, в «Саге о побратимах» – классической родовой саге, повествующей о распре в Исландии X в. – неоднократно упоминается, что тот или иной герой сражается со своими противниками «как Неробкий Зверь» (*sem it þarga dýr*) [Fbr. С. 18, 81]. Вместе с тем, сравнение с неробким зверем присутствует и в «Саге об иудеях», которая является ничем иным, как переложением отдельных частей Ветхого Завета, а также в «Саге о Карле Великом» и «Саге о Тристане и Изольде», которые построены на весьма вольном пересказе западноевропейских сочинений.

Обращение к древнескандинавским источникам приводит нас к выводу о том, что отождествление *þarga dýr* с каким-либо конкретным хищником невозможно на уровне всего корпуса текстов, тогда как на уровне отдельно взятого текста оно возможно, но необязательно. Действительно, в ряде случаев мы можем указать, какой именно хищник мог бы быть отождествлен с «неробким, бесстрашным зверем». Однако даже в этих случаях мы не знаем, насколько подобное отождествление подразумевалось самим составителем текста.

Судя по всему, выражение *þarga dýr* не является специальной конструкцией, придуманной лишь для обозначения экзотических, не встречающихся в Скандинавии животных. Можно предположить, что обозначение «неробкий зверь» существовало у скандинавов изначально и с какого-то времени в силу своей семантической широты охотно использовалось в книжной традиции для обозначения свирепого зверя вообще, а также различных экзотических для скандинавов хищников.

Прилагательное *þargr* является отрицательной формой очень важного в культурном – и, прежде всего, в правовом отношении – термина *argr/ragr* ‘трусливый, женоподобный, немужественный, лишенный мужского начала (о мужчине)’. В правовых текстах *argr/ragr* отнесено к кругу обценной лексики, связанной, по-

видимому, с обвинением мужчины в пассивном гомосексуализме. Сама модель описательного словосочетания, где определяющий компонент включает в себя отрицательную частицу, заставляет предположить, что мы имеем дело с эвфемистическим, табуирующим обозначением какого-либо хищника.

Эвфемистический характер русского «лютый зверь» сам по себе не столь очевиден, хотя в ряде работ такой тезис уже высказывался. Здесь вновь оказывается продуктивно его типологическое сопоставление со скандинавским *óarga dýr*, которое в силу большей лексической связанности, а также благодаря структуре, содержащей отрицание, куда более наглядно выдает свою эвфемистическую природу. Тем не менее, выяснение того, чем являлось то или иное выражение за пределами письменного языка, разумеется, всегда остается нелегкой задачей. Все, чем мы располагаем при описании интересующей нас эпохи, – это письменные тексты. Выражения же *óarga dýr* и «лютый зверь» с определенного времени находят для себя в литературном языке весьма устойчивую и адекватную «функциональную нишу». Итак, возможно ли выявить на материале письменных источников, так сказать, исконное, дописьменное значение эвфемистического словосочетания?

Думается, что возможно. В этом отношении весьма любопытно функционирование различных компонентов устойчивого словосочетания *óarga dýr* в тех текстах, которые в наименьшей степени связаны с континентальной энциклопедической традицией. В частности, трудно обойти вниманием тот факт, что прилагательное *óargr/úargr*, регулярно воспроизводимое только внутри интересующего нас выражения, известно и в качестве прозвища.

Существенно, что обладателем этого прозвища Бесстрашный, Неробкий (*óargi*), судя по сагам, был человек, носивший личное имя Ульв (*Ulfr*), т.е. ‘Волк’. То обстоятельство, что в его роду волчья семантика имени не была нивелирована, демонстрируется в рассказе о его внуке, который был назван в его честь Ульвом, а впоследствии получил еще и прозвище ‘Вечерний’. Вместе его имя и прозвище образовывали сочетание Вечерний Волк (*Kveld-úlfr / Квельдульв*), которое находит свое объяснение в саге. Рассказывается, что поведение Квельдульва радикально различалось в зависимости от времени суток: «он мог дать добрый совет в любом деле, потому что отличался большим умом, но каждый раз, когда вечерело, он начинал избегать людей... к вечеру он делался сонливым (*kveldsvæfr*). Поговаривали, что он оборотень (*Þat var mál manna, at hann væri mjök hamgramr*)» [Ег. С. 2; ИС. Т. I. С. 23].

Если имя и прозвище внука явным образом осмыслялось как цельное сочетание со значением ‘Вечерний Волк’, то имя и про

звище деда — *Úlfr óargi* — с большой вероятностью могло трактоваться как ‘Бесстрашный Волк’. Прозвище-эпитет ‘вечерний’ в значительной степени обусловлено, детерминировано именем. Вместе они обозначают оборотня, вервольфа, того, кто вечером оборачивается волком. Естественно предположить, что и прозвище-эпитет *óargi* также детерминировано собственным именем Волк (*Úlfr*), т.е. *óargi* подчеркивает то бесстрашие или ту свирепость, которые свойственны именно волку. Во всяком случае, такое прозвище не встречается ни при каких других именах, связанных или несвязанных с названиями животных. При этом другие прозвища со значением ‘смелый, храбрый, отважный’ (например, *frœkni*) были весьма распространены и свободно употреблялись с самыми различными антропонимами. Прозвища деда и внука, таким образом, обретают законченный смысл только в сочетании с их именами. Иными словами, *Úlfr óargi* является таким же связанным словосочетанием, как и *óarga dýr*, только на месте лексемы *dýr* ‘зверь’ в данном случае оказывается лексема *úlfr* ‘волк’.

Что касается эвфемистической замены обозначений волка в сочетаниях, отсылающих к родовым именованиям, то здесь уместно вспомнить эпизод из «Старшей Эдды». Как известно, Вэльсунги, герои одного из важнейших для всего германского мира эпических циклов, цикла о Нифлунгах (Нибелунгах), вели свой род от людей, которые, по преданию, оборачивались волками. Для нас представляет большой интерес, что в одной из песен «Эдды» самый знаменитый из Вэльсунгов, Сигурд (Зигфрид) Драконобойца, стремясь избежать проклятия умирающего дракона, не называет своего имени, а сообщает, что он «родовитый (украшенный знатностью) зверь» (*göfukt dýr*): «Юнец, юнец! Кем ты рожден? // Чей сын ты, ответ? О Фафнира ты свой меч окровавил // в сердце стоит он!» Сигурд скрыл свое имя, потому что в древние времена верили, что слова умирающего могущественны, если он проклинает своего недруга, называя его по имени (*Sigurðr dulði nafns sins, fyrir því at þat var trúa þeira í forneskio, at orð feigs mannz mætti mikit, ef hann bölvaði óvin sinom með nafni*). Он сказал: ‘Я зверь благородный (*Göfukt dýr ek heiti*), был я всю жизнь // сыном без матери; // нет и отца, как у людей, всегда одинок я’» ([Fm. С. 176. Строфы 1—2; СЭ. С. 279]; ср. [Völs. С. 42]).

Ответ Сигурда, несмотря на свою нарочитую загадочность, был, по-видимому, прозрачен для аудитории, хорошо знакомой с генеалогией героя. Дело в том, что одним из устойчивых прозваний Вэльсунгов, отсылающим именно к преданию о Сигмунде и Синфьотли, которые обладали способностью превращаться в волков, было Ильвинги (*Ylfingar*), т.е. ‘Волчата’ или ‘Волчичи’: ср. «Ко

нунг Сигмунд и его род назывались Вёльсунги и Ильвинги» (Sigmundur konungr ok hans ættmenn héto Völsungar ok Ylfingar) [НН II. С. 146; СЭ. С. 260]. Таким образом, указывая свое родовое имя описательно, Сигурд сообщает, что он из знатного рода зверей, иносказательно подчеркивает свою принадлежность к роду “Волчихей”. Иначе говоря, словосочетание ‘родовитый зверь’ может быть истолковано здесь как ‘принадлежащий к волчьему роду’. Нет необходимости лишней раз напоминать о том, сколь значительное место волчья символика занимает в цикле о Нифлунгах в целом: “волчье” происхождение Вёльсунгов вновь и вновь актуализируется во многих поворотах и деталях сюжета.

Продолжим поиск “рефлексов” первоначального, дописьменного значения *óarga/úarga dýr* в письменных источниках. Графически и фонетически (но не этимологически!) *óargr* или *úargr* близко к слову *vargr*, одному из центральных культурно-правовых терминов скандинавского Средневековья. Поскольку прилагательное *óargr/úargr* употреблялось регулярно только со словом ‘зверь’ (*dýr*), то графически это словосочетание нередко выглядело как *varg(r) dýr* (например, *it varga dýr* в рукописи «Гнилой Кожи» [Mork. С. 351]; ср. также *hin vaurgu dýr* в редакции А «Саги о Тидрике Бернском» [Юирг. Т. I. С. 353]).

В качестве юридического термина *vargr* — это ‘человек, объявленный вне закона, изгой, изверг’, однако за пределами правовых текстов *vargr* может значить ‘волк’. По-видимому, значения ‘изгой’ и ‘волк’ не были противопоставлены друг другу, в определенном смысле они не были расчленены. В языке скандинавского права такое соположение изгоя и волка находит дальнейшее развитие: так, еще один термин для пожизненно объявленного вне закона преступника будет ‘бродящий по лесу’ (*skógarmaðr*, *skóggangs-maðr*), а термин для самой процедуры объявления вне закона можно перевести, соответственно, как ‘изгнание в лес’ (*skóggangr*).

Представляется вполне вероятным, что первоначально при помощи выражения *óargr (úargr) dýr* иносказательно обозначался именно волк. Развитие семантики словосочетания *óarga dýr* можно схематически представить так: исконно, это описательное, табуистическое обозначение определенного хищника (возможно, из охотничьего языка). Это животное является местным олицетворением свирепости, чужеродности. В дальнейшем данное словосочетание используется как обозначение свирепого хищника вообще. В качестве такового оно применяется в переводных текстах и текстах, ориентирующихся на континентальные образцы, для обозначения различных хищных зверей, но в первую очередь закрепляется за

аллегорическим олицетворением хищности и свирепости, т.е. за львом.

Богатые возможности для такой эволюции давал сам обобщенный, описательный характер эвфемизма *óarga dýr*. В то же время, необходимо подчеркнуть, что изменение значения отнюдь не было определенным и окончательным. Весьма существенно, что и в развитой письменной традиции выражение *óarga dýr* не было тождественно терминологическому обозначению какого-либо конкретного хищника. Возможно, за той аллегорией хищности и свирепости, которая стала связываться со словосочетанием *óarga /úarga dýr*, иногда могло прочитываться и старое значение – ‘волк’. Подчеркнем еще раз, что такого рода словосочетание, претерпевшее довольно сложную эволюцию, позволяло совмещать в литературном тексте более частное и более общее значение, могло являться и одновременно не являться синонимом отдельных более однозначных слов.

Если предположить, что древнерусское выражение «лютый зверь» развивалось хотя бы в приблизительном типологическом соответствии со скандинавским выражением *óarga dýr*, то оказывается, что оно как нельзя лучше отвечает той риторической и стилистической стратегии, которой придерживается в своем «Поучении» Владимир Мономах.

В «Поучении» Мономаха, наряду с другими приемами, нередко используется игра на соположении более абстрактной и более конкретной семантики культурных концептов. Можно сказать, что весь текст Мономаха балансирует на грани предельного автобиографизма и обширной литературной цитации. Ср., например, следующий за описанием охоты пассаж “о травмах” с почти каламбурным повтором слова «голова», несущего совершенно различную функциональную нагрузку: «И с коня много падах, *голову* си розбих дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередих, въ уности своей вередих, не блюда живота своего, ни щадя *головы* своя».

Выражение «лютый зверь» употреблено у Мономаха в конце пассажа об охоте, который начинается с упоминания о том, что он с отцом «ловиль... всякъ звѣрь». В промежутке, как известно, следует перечисление конкретных зверей, среди которых отсутствует именно волк. В итоговой точке какого-либо описания или перечня, каковым, в сущности, и является в пассаже об охотничьих трудах эпизод с лютым зверем, двойная риторическая нагрузка особенно оправдана. Согласно нашему предположению, Мономах использует словосочетание «лютый зверь» именно потому, что оно совмещает в себе эвфемистическое указание на конкретного хищника (полагаем – волка) и максимально обобщенное обозначение свирепого зверя, дикого хищника, своего рода собирательный образ врага чело

века на охоте. Иными словами, Мономах обыгрывает многозначность этой конструкции; более того, благодаря своей многозначности она и попадает в текст.

Случай подобного использования сочетания «лютый зверь» в древнерусских источниках, как кажется, не вполне уникален. Аналогичным образом дело обстоит и в другом, не менее знаменитом памятнике, в «Слове о полку Игореве». Здесь, как мы помним, князь Всеслав Полоцкий «скочи... лютымь звѣрьмь въ полуночи из Бѣла-града: обѣси ся сини мьглѣ» [Виноградова 1965. Вып. I. С. 22–23]. По-видимому, в этой фразе сочетается метафорический и, парадоксальным образом, вполне конкретный смысл.

Действительно, речь здесь может идти о трупѣ, характеризующем сколь быстро и тайно перемещался князь Всеслав. В то же время, у нас есть все основания полагать, что такого рода троп появляется под воздействием общей темы оборотничества Всеслава. В самом тексте «Слова» говорится, что «Вьсеславъ кьнязь людьмь судяше, кьнязьмь грады рядяше, а самъ въ ночь вьлкьмь рискаше: ис Кыева дорискаше до курь Тьмутороканя, великому Хьрсови вьлкьмь путь прѣрискаше». Счесть весь этот ряд лишь набором поэтических метафор не позволяет упоминание летописи о том, что «егоже роди мати отъ вьлхвования; матери бо родивъши его, бысть ему язвѣно на главѣ его; рекоша бо волсви матери его, се язвено навяжи на нь, да носит е до живота своего, еже носить Вьсеславъ и до сего дьне на собѣ» [Лавр. С. 155].

Существенно упрощая дело, можно сказать, что на одном этапе существования литературного языка словосочетание «лютый зверь» совмещало в себе два значения: конкретный хищник (скорее всего, волк) и свирепый, бесстрашный зверь вообще. На следующем же этапе, функция эвфемистического обозначения определенного хищника, обитавшего на Руси, отходит на второй план, и конструкция «лютый зверь» уже служит для того, чтобы обозначать экзотическое животное, аллегория свирепости, бесстрашия. Первое место среди такого рода аллегорических хищников, несомненно, принадлежала льву, но довольно трудно определить, может ли быть поставлен знак равенства между сочетанием «лютый зверь» и словом «лев» даже на уровне конкретного текста.

В целом же функция словосочетания ‘лютый зверь’ в русских письменных памятниках несводима к обозначению конкретного животного. Можно допустить при этом, что для авторов «Поучения» и «Слова о полку Игореве» волк еще вполне ощущался в качестве денотата этого выражения.

- Виноградова 1965 — Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 1: А—Г / Сост. В.Л. Виноградова. М.
- ИС — Исландские саги / Под общ. ред. О. А. Смирницкой. Т. 1—2. СПб., 1999.
- Лавр. — Лаврентьевская летопись. М., 1997 (Полное собрание русских летописей 1).
- СЭ — Старшая Эдда // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / Перевод А. Корсуна. М., 1975 (Библиотека всемирной литературы).
- АН — Alfrðri Íslenzk. Íslandsk encyklopædisk litteratur / Udg. Kr. Kålund, N. Beckman. Т. I: Cod. Mbr. AM. 194, 8vo / Udg. Kr. Kålund. København, 1908 (STUAGNL 37). Т. II: Rímtöl / Udg. N. Beckman og Kr. Kålund. København, 1914—1916 (STUAGNL 41). Т. III: Landalýsingar M. Fl. / Udg. Kr. Kålund. København, 1917—1918 (STUAGNL 45).
- Ег. — Egils saga Skalla-Grímssonar / Buið hefir til prentunar Sveinn Bergsveinsson. Reykjavík, 1950 (Íslendinga sögur 4).
- Фбр. — Fóstbrœðra saga / Udg. Bj. Þórólfsson. København, 1925 (STUAGNL 49).
- Фм. — Fáfnismál // Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / Hrsg. G. Neckel. Bd. 1. Text. Heidelberg, 1936.
- Ном. — Homiliu-bók. Ísländska Homilier efter en handskrift från tolfte århundradet: Ísländska skinnboken 15 qv. å Kungl. Bibliotheket i Stockholm / Utg. Th. Wisén. Lund, 1872.
- НН II — Helgakviða Hundingsbana II // Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / Hrsg. G. Neckel. Bd. 1. Text. Heidelberg, 1936.
- Морк. — Morkinskinna / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. (STUAGNL 53).
- STUAGNL — Samfund til udgivelse af gammel nordisk Litteratur.
- Вер. — Veraldar saga / Udg. Jakob Benediktsson. København, 1944 (STUAGNL 61).
- Вöls. — Völsunga saga // Völsunga saga ok Ragnars saga lóðbrókar / Udg. Magnus Olsen. København, 1906—1908 (STUAGNL 36).
- Þiðr. — Þiðriks saga af Bern / Udg. H. Bertelsen. Hefte 1—2. København, 1905—1911 (STUAGNL 34).